

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

В.М. Розин

Становление экономики в Европе XVIII столетия как осознанной научной реальности и дисциплины

Розин Вадим Маркович – доктор философских наук, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: rozinvm@gmail.com

В статье ставится вопрос о сущности и природе экономики, в связи с чем разбираются разные взгляды на эту тему Ф. Броделя, В. Федотовой, В. Колпакова, Н. Федотовой, академика В. Полтеровича. Генезис становления экономики автор предваряет своей гипотезой о ее сущности, а также природе предпринимательства. В частности, утверждает, что в XVIII–XIX вв. были созданы такие понятия (А. Смит, Д. Риккардо, К. Маркс и др.) и такие методы, которые позволяли проектировать работу и успех будущих предприятий, а также рассчитывать и оценивать прибыльность работающих предприятий. Генезис становления экономики включает три основных этапа: передачу власти от королей к чиновникам и возникновение государства, формирование такой социальной среды, в которой все платили налоги и действовали законы, создание понятий, схем и расчетов, позволяющих регулировать и проектировать рыночные отношения, а также организацию и работу предприятий. Обсуждаются особенности первых экономических теорий (А. Смита, Д. Риккардо, К. Маркса). Автор не соглашается с точкой зрения В. Колпакова, согласно которой экономика относится к естественным наукам, он утверждает, что экономика – наука социальная. Соответственно показывает, что это означает: вклад человека в социальную природу, наличие цикла «социальный проект – реализация – социальная реальность», роль в этом цикле социальных наук. В конце статьи дается объяснение тому, почему не совсем правильно говорить об экономике Древнего мира (здесь, по мнению автора, еще не сложилась специфическая, экономическая рефлексия хозяйственной и торговой деятельности).

Ключевые слова: экономика, наука, социальность, теория, концепция, реальность, проект, рынок, налоги, государство

Одна из распространенных точек зрения на экономику связывает ее с рынком. Поскольку рынок появляется уже в Древнем мире, получается, что экономика возникает там же. Однако, во-первых, рынок рынку рознь, во-вторых, исследования Ф. Броделя и целого ряда современных социологов и культурологов, включая фундаментальную работу отечественных социальных философов В.Г. Федотовой, В.А. Колпакова, Н.Н. Федотовой «Глобальный капитализм: три великие трансформации», к которой мы будем еще обращаться, показывают, что экономика как научная дисциплина и практика возникли только в XVIII в. Спрашивается, почему так поздно и что собой, например, представляет в этом случае ценообразование в Древнем мире, разве не первую экономику? Например, на рынках Древней Месопотамии за товар платили три цены: «цену покупки» (nig-sa), как правило, зерном или медью, «приплату» (nig-giri или is-gana=nig-ki-gar – «то, что кладут на землю») и «подарки» (nig-ba, дословно «то, что дано») [Клочков, 1983, с. 52–53]. Если Ф. Бродель понимает под экономикой все же рыночные отношения, а капитализм связывает со спекуляцией и монополиями, то наши три автора стараются показать, что становление экономики было обусловлено совместным действием обмена (рынка) и национальных государств, а также капитализма как своеобразного интегрального начала. В то же время Мартин ван Кревельд утверждает, что государство и национализм встретились позднее, т. е. из его исследований получается, что в становление экономики вклад сделало только государство. Но послушаем самих исследователей.

Ф. Бродель. «...У основания “материальная жизнь” – многообразная, самодостаточная, рутинная; над нею лучше выраженная экономическая жизнь, которая в наших объяснениях имела тенденцию сливаться с конкурентной рыночной экономикой; наконец, на последнем этаже – капиталистическая деятельность» [Бродель, 2006, с. 461–462]. Ф. Бродель, пишут В. Федотова и В. Колпаков, старается показать, что экономические отношения надо истолковывать в качестве иерархической системы, где отдельные слои (подсистемы) прорастают друг в друга. При этом нижний огромный слой – «не-экономика», где находятся «корни» рынка, не пронизывает другие его слои. Выше этого слоя располагается рыночная экономика. Там можно наблюдать, как множатся горизонтальные связи между разными рынками. Именно в этой второй подсистеме, как правило, невидимая рука рынка соединяет спрос, предложение и цену. Но это еще не все: рядом или выше второго слоя расположен слой или подсистема «противорынка», представляющего собой стихию изворотливости, спекуляции, права сильного. Именно в этом слое, по мнению Ф. Броделя, царство капитализма и в прошлом, и сегодня после промышленной революции [В. Федотова, Колпаков, Н. Федотова, 2008, с. 45].

В. Федотова, Н. Федотова. «Вывод состоит в следующем: только при капитализме в обществе, существующем в форме национальных государств, выделяются и оформляются в относительно самостоятельные сферы его экономическая система, его социальная система, политическая и государственная организация, а также культура, отражающая существующие в обществе формы ментальности» [В. Федотова, Колпаков, Н. Федотова, 2008, с. 155]. Авторы считают, что создатель мир-системы И. Валлерстайн рассматривает эти обособления сфер как определяемые либерализмом, представители которого

пытаются отделить государство и общество от экономики. При этом само формирование либерализма, с их точки зрения, выступает следствием работы капитализма, который в ходе своего становления разделяет экономику и общество [В. Федотова, Колпаков, Н. Федотова, 2008, с. 155].

М. Кревельд. «Государство, тесно связанное с падением средневекового мира и последующими гражданскими и религиозными войнами, изначально задумывалось, прежде всего, в качестве инструмента для установления правопорядка в отношениях людей и групп между собой. Однако спустя примерно полтора века с момента своего рождения оно встретилось с пламенеющим национализмом и стало присваивать его, придавая себе тем самым этическое содержание» [Кревельд, 2006, с. 331].

Я согласен, что именно государство способствовало формированию экономики, но каким образом, ведь не только потому, что оно было заинтересовано в развитии рынка. Непонятно также, что такое экономика в своей сущности. Если прояснить сущность экономики, то тогда, возможно, можно будет понять, какую роль в процессе ее становления сыграло государство. В. Федотова и В. Колпаков утверждают, что именно государство повлияло на формирование внутреннего рынка, без которого экономика не могла бы появиться. Кроме того, вообще, они считают, ссылаясь на К. Поланьи [Поланьи, 2002], что государство выступило субъектом строительства экономики, представляющей собой во многом искусственное образование. «Решающей случайностью, – пишут В. Федотова и В. Колпаков, – повлиявшей на качественную мутацию рынков, было появление на европейской исторической сцене национальных государств. Благодаря государственному вмешательству произошло освобождение торговли от многочисленных городских привилегий. Государство создало единое пространство для внутринационального рынка, который строился уже на принципах выгоды и конкуренции и который все больше игнорировал различие между городом и деревней, между отдельными городами и провинциями» [В. Федотова, Колпаков, Н. Федотова, с. 148]. Авторы обращают внимание на то, что К. Поланьи рассматривал капитализм как искусственную систему. Концепция *laissez-faire*, разъясняют они, это не просто невмешательство в естественный ход вещей, в этом случае свободные рынки никогда не смогли бы возникнуть. Принцип *laissez-faire* был воплощен в жизнь усилиями и деятельностью государства, подобно тому как хлопчатобумажное производство было поддержано льготными тарифами, экспортными премиями и дотациями к заработной плате. *Laissez-faire* нужно понимать не как способ достижения цели, а как саму цель. Для ее реализации государство приняло нужные законы и проводило определенную политику. «Философия либерализма, требовавшая уменьшения роли государства, парадоксальным образом использовала его силу для проведения своих принципов» [Там же, с. 138, 156; Элиас, 2003].

Я принимаю эти положения, однако все же нужно понять, какую роль они сыграли в формировании экономики и что это такое? Начну с анализа современной экономики. На мой взгляд, экономика – это средство моделирования и расчета отношений, которые складываются в торговле и производстве, *характерных для Нового времени*. То есть это особый семиотический слой деятельности, где, во-первых, оперируют абстрактными понятиями – «экономический

человек», «стоимость», «цена», «труд», «разделение труда», «количество труда», «капитал», «конкуренция» и др. Во-вторых, на основе этих понятий устанавливают «экономические отношения», например, как А. Смит: «годовой труд каждого народа представляет собою первоначальный фонд, который доставляет ему все необходимые для существования и удобства жизни продукты, потребляемые им в течение года и состоящие всегда или из непосредственных продуктов этого труда, или из того, что приобретается в обмен на эти продукты у других народов», «разделение труда ограничивается размерами рынка», «при свободной конкуренции спрос и предложение уравнивают рыночную и естественную цену», «любая стоимость складывается из трех видов доходов: заработной платы, прибыли и ренты». В-третьих, установленные отношения позволяют сформулировать рекомендации к лучшему ведению дел. Так, скажем, А. Смит пишет, что индивиду необходимо предоставить возможность «совершенно свободно преследовать по собственному разумению свои интересы и конкурировать своим трудом и капиталом с трудом и капиталом любого другого лица и целого класса» [Смит, 2016].

Итак, экономическая реальность основывается на моделировании хозяйственной деятельности, причем эта модель ориентирована на ее *совершенствование* и *развитие*. Чтобы лучше понять этот тезис, рассмотрим метод двойной бухгалтерской записи и баланса. Считается (хотя есть гипотеза о происхождении двойной бухгалтерии еще в древнем Риме), что этот метод опубликовал друг Леонардо да Винчи Лука Пачиоли в 1494 г. Бухгалтерские записи – отражение операций (движение материальных, долговых, денежных средств) на счетах в денежном выражении. Остатки по счетам сводятся в конце периода в баланс, представляющий собой таблицу из двух колонок – активы и обязательства (источники). Одним из источников является прибыль. Подсчет прибыли/убытка от деятельности является главной задачей бухгалтерского учета. Технически финансовый результат определяется как разница между доходами и затратами (за период), которые собираются на счетах расходов и доходов и затем разница переносится на счет прибылей/убытков [Что такое..., 2019]. Вернер Зомбарт считал, что метод двойной бухгалтерии позволил сформулировать понятие капитала, а Макс Вебер писал в «Протестантской этике», что рациональная организация капиталистического предприятия немислима без бухгалтерской отчетности.

Как можно понять этот метод с точки зрения интересующего нас вопроса о сущности экономической реальности? Таким образом, что с его помощью бухгалтер и затем руководство предприятием имитируют (моделируют) на семиотическом уровне в денежном эквиваленте работу предприятия, что позволяет им понять, убыточно оно или прибыльно. Это один способ использования данного метода. Но есть и другой, когда он применяется для того, чтобы понять будет ли предприятие прибыльно или убыточно, если будут созданы определенные условия, т. е. предприятия нет, оно еще не создано, но, предположив наличие определенных условий, предприниматель может понять и вычислить успешность или неуспешность задуманного проекта.

Вероятно, в этом суть экономики: были созданы такие понятия (А. Смит, Д. Риккардо, К. Маркс и др.) и такие методы (мы привели в качестве модельного примера только один), которые позволяли проектировать работу и успех

будущего предприятия, а также рассчитывать и оценивать прибыльность работающего предприятия. Только понятие «предприятие» в данном случае нужно расширить в том числе до «хозяйственной деятельности всей страны» (хозяйственной деятельности международной корпорации). Предприятием является и торговля. Иначе говоря, предприниматель – это не только практик и организатор, но и проектировщик, который замышляет новое предприятие, рассчитывает его работу и затем реализует созданный экономический проект.

Хотя предпринимательский проект можно отнести к сфере экономики, условия его разработки и реализации социальные и социально-психологические. Действительно, *цены на продукцию должны быть стабильными, поведение будущих пользователей предсказуемым, условия функционирования предприятия неизменными* (выделено мной. – В.Р.), во всяком случае, на период предполагаемого строительства и функционирования создаваемого предприятия. Чтобы оплачивать в течение всего периода строительства необходимые материалы и рабочую силу, *нужны немалые деньги* (исходный капитал), причем предприниматель должен быть уверен, что их не заберет государство. В свою очередь, чтобы перечисленные условия работали, необходимы законы (защищающие собственность и рыночное ценообразование и пр.), доверие населения к государству и друг к другу. В противоположном случае ничего рассчитать и спроектировать будет невозможно.

Кроме того, должна была сложиться сама установка на предпринимательскую и экономическую деятельность. Подобная установка была нехарактерна для Средних веков, но складывается в Новое время, поскольку формируется новоевропейская личность, для которой органичны, с одной стороны, инициатива, экспериментаторство, стремление к свободе, с другой – расчет и прагматичность. «Согласно Зомбарту, капиталистический дух складывается из объединения предпринимательского духа (включающего жажду денег, страсть к приключениям, изобретательности и пр.) и мещанского духа (склонности к счету и осмотрительности, благоразумию и хозяйственности)» [В. Федотова, Колпаков, Н. Федотова, 2008, с. 41]. Ренессанс, Реформация и Просвещение, пишут три отечественных автора, способствовали развитию и процветанию Западной Европы за счет, главным образом, одного нового, антропологического ресурса – автономного, рационального индивида, который взял на себя ответственность за собственную жизнь, стал ее сознательно строить [Там же, с. 134].

Попробуем теперь понять, какие условия и факторы сделали на рубеже XV–XVI вв. необходимым экономику. В Средние века разных хозяйственных субъектов было тоже достаточно много (короли и их вассалы, сюзерены и их вассалы, аристократия, духовенство, горожане), причем каждый такой субъект устанавливал индивидуальные, договорные отношения со своими «партнерами» (кредиторами, арендаторами, исполнителями, товарищами по делу). Эти отношения регулировались, с одной стороны, обычаем, с другой – личными взаимоотношениями. Заранее определить, будет ли хозяйство прибыльным или убыточным (сами эти представления из нашей культуры), было невозможно, да и не считалось нужным, поскольку будущее мог знать только Бог. В практическом же плане хозяин жил на те средства, которые его хозяйство давало, или залезал в долги и разорялся, пополняя ряды других сословий и неимущих.

Совершенно другая ситуация складывается начиная примерно с XIV столетия. Короли (монархи), нуждающиеся в деньгах для ведения войн и поддержания уровня жизни, достойного священных особ, с одной стороны, забирают все больше денег у тех, кто их имел (у духовенства, аристократии, третьего сословия), с другой – начинают с ними бороться с целью лишить их власти и заставить платить налоги, с третьей стороны, создают корпус сначала доверенных слуг, а потом чиновников, которые эти налоги должны собирать. При этом они делегируют этим чиновникам часть своей власти. Кроме того, чтобы получить как можно больше денег, короли стараются расширить свои владения, что предполагает опять войну и увеличение корпуса чиновников.

В свою очередь чиновники, тоже заинтересованные в получении налогов (поскольку они «кормились» и хорошо жили за их счет), действовали от имени короля, а потом как бы от себя лично, перехватывая королевскую власть. «В исследуемый период времени, – отмечает Кревельд, – важнейшим изменением была смена непрямого правления через феодальных лордов на прямое управление, осуществляемое от имени короля чиновниками, получающими жалованье... По мере того, как монархи расширяли свою власть за счет церкви, землевладельческой аристократии и городов, эти должностные лица из исполнителей, отвечающих за королевское имущество, превращались в правительственных чиновников» [Кревельд, 2006, с. 105, 108].

Рассмотрим отношение чиновников к монарху и населению, с которого они должны были собирать налог. Король чиновник подчинялся и передавал часть полученного налога (другую, часто не малую, брал себе). Одновременно он старался ограничить власть и алчность монарха, которому вечно не хватало денег, определенной фиксированной величиной. Отсюда желание подчинить монарха закону (в Средние века король сам олицетворял закон) и даже лишить его верховной власти. Что, в конце концов, удалось сделать. После победы Наполеона над Пруссией в 1806 г., отмечает Кревельд, власть получило небольшое, но весьма пассионарное сообщество. Это были чиновники буржуазного происхождения, имеющие университетское образование, например, фон Штайн и фон Гарденберг, которые недавно получили дворянский титул. «Система, которую они построили, вращалась вокруг Государственного совета (*Staatsrat*) и являлась, по существу, просвещенным бюрократическим деспотизмом, подчинявшимся воле высших классов» [Там же, с. 111]. Формально все чиновники подчинялись королю. Он все еще носил титул *Allerhochste* («Высочайший»), считался сувереном и действующей властью, не подчиненной человеческому суду. Но на практике король действовал через своих министров (их подписи были необходимы для скрепления всех королевских указов). Собственное вмешательство короля в работу административного аппарата было полностью исключено [Там же].

Необходимым условием этого переворота стала легитимация власти чиновников, как исполняющих функции и волю теперь уже государства. На место монарха было поставлено государство, на место слуг короля – чиновники.

Ф. Бродель и М. Кревельд обращают внимание на то, что именно государство, а не чиновники, заинтересованные в получении с населения постоянных и все увеличивающихся налогов, устанавливали на подвластной им

территории мир и законы. Наложили они руку и на хозяйственную деятельность и торговлю, поскольку со временем поняли, что эффективное ведение дел в стране – залог финансового успеха. «Для [выполнения] всех своих задач, – пишет Ф. Бродель, – государство нуждалось в деньгах, и все больше и больше по мере того, как оно распространяло и разнообразило свою власть. Оно более не могло жить как прежде, за счет домена государя. Оно должно было наложить руку на богатство, находившееся в обращении. И значит, именно в рамках рыночной экономики образовывались в одно и то же время определенный капитализм и определенное современное государство» [Бродель, 2006, с. 525]. Насилие, диктат и контроль государства, считает Ф. Бродель, были необходимы и выступали гарантией мира в стране (мир внутренний был благом, не имевшим себе равных). Выступали гарантией безопасности дорог, надежного снабжения рынков и городов, защитой от внешних врагов. Эти меры государства способствовали эффективному ведению войн, которые безостановочно сменяли друг друга [Там же, с. 524–525].

Другие отношения связывали чиновников с населением. На первом этапе чиновники, хотя и действовали от имени короля, фактически не имели его ауры (сакральности) и силы. Это, с одной стороны. С другой – они старались выжать из населения все соки. С третьей стороны, лишенные нравственных начал, большинство чиновников беззастенчиво захватывали социальные структуры, извлекая из своих функций и мест ренту. Необходимо, отмечает С. Неретина, «представить силу этой кучки людей, администраторов, столь энергично и по-деловому расправлявшихся с казной, со всеми ресурсами королевства, что это привело к обособлению чиновничества не только от короля, но и от выкормивших их сословий» [Неретина, 2012, с. 142].

Реакцией населения были восстания против власти. Медленный прогресс налоговой системы, несовершенство организации финансов, считает Ф. Бродель, ставили государство в трудное положение: его траты постоянно превышали доходы. Не тратить же государство не могло, причем тратить приходилось изо дня в день. В то же время доходы еще только надлежало получить, к тому же не всегда была уверенность, что их получишь. Короли мыслили не в соответствии с буржуазной мудростью, предполагавшей ограничение расходов доходами, они сначала тратили в надежде потом найти необходимые деньги. «Затраты бежали впереди; о том, чтобы их настигнуть, думали, но в общем, с исключениями, подтверждавшими правило, никому это не удавалось» [Бродель, 2006, с. 527]. Конечно, обращались к налогоплательщикам, давили на них, изобретали новые налоги, создавали лотереи, но все было напрасно, «дефицит углублялся, как пропасть». Налогоплательщик был хитер, а если его прижать, то и страшен, его гнев был достаточно действенен. «Джованни ди Паголо Морелли, флорентиец XIV в., давая своим потомкам советы в деловых вопросах, писал: “Как огня остерегайся лгать”, за исключением того, что касается налогов, где это позволительно, ибо тогда “ты совершаешь сие не ради того, чтобы присвоить чужое добро, но дабы воспрепятствовать тому, чтобы забрали неподобающим образом твое”. Во времена Людовика XIII и Людовика XIV причину мятежей во Франции почти всегда были чересчур обременительные фискальные поборы» [Там же].

Таким образом, ситуация требовала разрешения, вызов был налицо. Ответ на него был двоякий. С одной стороны, король постепенно был лишен реальной власти, а налогообложение упорядочено и подчинено закону. С другой – что было условием и первой стороны, государство создает институты, которые позднее, при наличии соответствующей рефлексии, и были истолкованы как экономические. Одним из первых экономических институтов в этой группе был финансовый. На примере Англии его формирование анализирует Ф. Бродель. Финансовая революция, пишет он, завершилась преобразованием государственного кредита, которому предшествовала глубокая реорганизация английских финансов. Первоначально в 1640 г. и даже еще в 1660 г. организация английских финансов мало чем отличалась по своей структуре от организации финансов Франции того же времени. По обеим сторонам Ла-Манша не существовало централизованных государственных финансов. Главенствовала частная инициатива сборщиков налогов, они же были заимодавцами короля. У сборщиков налогов были собственные дела, да и вообще эти чиновники от государства мало зависели, поскольку свои должности они покупали. Кроме того, английский король часто просил у финансистов лондонского Сити, а король Франции – у финансистов доброго города Парижа. Целью английской реформы было избавиться от паразитировавших на государстве посредников. «Первыми ее мерами были передача в ведение государства таможен (1671 г.) и акцизного сбора (1683 г.), налога на потребление, введенного по образцу Голландии; одной из последних мер – создание в 1714 г. должности лорда-казначея (Lord Treasurer), повлекшее за собой учреждение ведомства Казначейства (Board of Treasury), в общем Совета финансов, который будет надзирать за поступлением доходов в государственную казну (Exchequer)» [Бродель, 2006, с. 533]. По сути, имела место национализация финансов, к которой относился и контроль над Английским банком, а также контроль парламента, получивший решающий голос в вотировании кредитов и новых налогов. Ф. Бродель отмечает, что «в глазах французских наблюдателей английская организация, довольно близкая к бюрократии в современном понимании, была оригинальной и отличной от того, что они знали: “Все здесь находится в государственном управлении”» – писали эти наблюдатели из Лондона [Там же].

Эта настоящая социальная революция не могла бы произойти, если бы, во-первых, уже не сложились рыночная система и производство, действующие на территории, контролируемой и управляемой государством. Во-вторых, если бы власть короля и его слуг не была заменена властью чиновников, постепенно поставленных под контроль закона. В-третьих, если бы государство не взяло курс на защиту частной собственности, поддержку индивидуальной предпринимательской инициативы, создание равных и благоприятных условий для торговли и хозяйственной деятельности (хотя еще долго налоги с аристократии и духовенства были значительно ниже, чем с третьего сословия, крестьян и горожан). Как известно, именно эта ориентация государства способствовала становлению капитализма. В-четвертых, если бы не сложилась такая социальная система, в которой желания короля, а затем и самих чиновников были ограничены законами. В которой были созданы институты (армия, полиция, министерства), действовавшие в соответствии с законами и поэтому имеющие фиксированные потребности, которые уже можно было рассчитать. Притом что

одновременно можно было рассчитать прибыльность или убыточность самих предприятий.

Наконец, в-пятых, если бы не были осознаны и описаны новые механизмы развития, регулирования и управления торговлей и производством, получившие название экономики. Описаны – и не в меньшей степени *конституированы*. Поясню, что я начал обсуждать особенности первой экономической науки. Анализируя работы А. Смита, В. Колпаков пишет: «Возвращаясь к гипотезе Смита о том, что труд есть основа благосостояния, нельзя не отметить, что Смит, по-видимому, находился под впечатлением от успеха работ Ньютона» [В. Федотова, Колпаков, Н. Федотова, 2008, с. 161–162]. Натуралистический подход к анализу экономики В. Колпаков видит, например, в том, что А. Смит пытался найти однозначные причины, приводящие к разделению труда, а также в том, что эти естественные причины, по мнению А. Смита, лежат в основе формирования всех общественных связей, поскольку «каждый человек живет обменом или становится в известной мере торговцем, а само общество превращается, так сказать, в торговый союз» [Там же]. В. Колпаков показывает, что А. Смит соединял дедуктивную теорию с историческим описанием и конкретной ситуацией в Англии, макроэкономический подход – с микроэкономическим анализом рынка его времени. С точки зрения В. Колпакова, «экономика становилась наукой, способной соперничать с физикой в открытии объективных законов, и А. Смит, несмотря на исторические, культурные и прочие интересы, следовал в главном парадигме Ньютона, находя закономерность, гармонию и упорядоченность уже не в физическом мире, а в мире человеческих отношений. В лучших научных традициях своего времени он прежде всего наблюдал экономические отношения, чтобы затем объяснить их природу и закономерности. Природа, в том числе человеческая природа, была для Смита созданной Богом машиной, цель которой – человеческое счастье» [Там же, с. 161–162, 165–166]

Замечательный текст: получается, что экономика представляет собой естественную науку, цель которой – выявление экономических законов. Но вот что, обсуждая кризис экономической науки, пишет академик РАН, президент Новой экономической ассоциации В.М. Полтерович. «По-видимому, – говорит он, – многообразие экономических явлений не может быть объяснено на основе небольшого числа фундаментальных закономерностей. Интуитивное понимание этого положения привело к замене принципа единства теории на принцип сосуществования конкурирующих концепций. Нет сомнения, что экономическая теория выполняет полезные функции, создавая необходимый инструмент для понимания реальности (заметьте, “понимания реальности”, а не ее расчета. – В.Р.). Несомненно также, что непосредственно воспользоваться этим инструментом удастся лишь в сравнительно немногих случаях. Если верно, что основная причина состоит в отсутствии универсальных экономических законов, необычайном многообразии и быстрой изменчивости экономических объектов, то, возможно, выход состоит в принципиально иной организации научного исследования» [Полтерович, 1997].

Анализ теории А. Смита позволяет разобраться в этом противоречии. Ну да, формулируя свои положения, которые В. Колпаков принимает за экономические законы, Адам Смит, конечно, отталкивался от наблюдений за реальными

отношениями, складывающимися в производстве и торговле. Но отношениями, характерными в то время в основном для Англии, да и то не для всех предпринимателей и торговцев. Кроме того, А. Смит в этих положениях выражал свой *идеал*, то, как *должно быть*. В реальной жизни было не совсем так, а нередко – совсем не так. Но А. Смит не просто описывал социальную реальность, он указывал условия – законы и институты, которые должны были способствовать развитию этой реальности в направлении формулируемого идеала. В. Колпаков правильно отмечает, что схема получения общественного богатства, богатства нации, не сводилась А. Смитом только к рынку, а включала производительность труда и его разделение, расширение рынка, аккумуляцию капитала, рационализм производительного труда, рациональность общества. Индивидуальная свобода экономического человека была для А. Смита средством поддержания общественных целей. «Суверенитет позволял государству собирать налоги, поддерживать или, напротив, препятствовать свободно-му рынку на своей территории, устанавливать таможенные барьеры для товаров из других стран... В своей теории он пытается открыть экономические закономерности, которые мыслились им как основа управления экономикой и обществом. Экономика и экономическая политика соединялись в его теории» [В. Федотова, Колпаков, Н. Федотова, 2008, с. 165–166].

Но такую теорию, где соединяются закономерности и практика, опирающаяся на эти закономерности, нельзя подвести под понятие естественной науки, а природу, включающую действия человека, нельзя свести к понятию «первой природы». Я уже не говорю о том, что идеальные объекты естественной науки представляют собой математические построения, истинность которых проверяется в эксперименте галилеевского типа (см. подробнее [Розин, 2018, с. 205–216]). В теории А. Смита нет математических построений, и экспериментов он не делает. Таким образом, теория А. Смита – это не естественная, а *социальная наука*.

В социальной науке устанавливаются не вечные и неизменные законы, а *временные* (для определенных условий) *закономерности, полученные в результате соединения наблюдений за социальной реальностью и характеристик желаемого состояния дел* (социальных идеалов). Понятно, что идеалы и наблюдения хотя и различаются, тем не менее не должны противоречить друг другу. Чтобы установить указанные закономерности, социальные ученые создают идеальные объекты и понятия (например, в экономике это «экономический человек», «стоимость», «цена», «труд», «разделение труда», «количество труда», «капитал», «конкуренция» и др.). Если в теории идеальные объекты позволяют решать проблемы и описывать факты, то за пределами теории они используются как схемы (в экономике – для расчетов и проектирования).

Установленные в социальной науке закономерности вначале, как правило, только частично отвечают наблюдаемой социальной реальности. Но если эта реальность подвергается социальному воздействию (принимаются соответствующие законы, создаются необходимые условия) и, кроме того, реальные тренды это воздействие поддерживают (идут в том же направлении), то через некоторое время социальная действительность может измениться и приблизиться к идеалу.

Именно в этом благоприятном для реформаторов случае *исходная социальная теория начинает выглядеть как модель социальной реальности*. И не просто выглядеть, но и реально моделировать сложившуюся социальную (экономическую) реальность. (Правда, не нужно забывать, что эта реальность, так сказать, рукотворная.) Одной из особенностей моделирования, как известно, является то, что на основе математических моделей могут вестись расчеты. Поэтому в экономике на основе исходных нематематических моделей стали создаваться математические теории и вестись расчеты. Но как мы выше отмечали, те же модели (и нематематические, и математические) используются предпринимателями для построения проектов будущих предприятий.

Опыт социальной жизни показывает, что экономическая теория не вечна: развитие социальности рано или поздно приводит к такой трансформации социальной реальности, что ее теория перестает восприниматься как модель этой реальности. Здесь две основные причины: общее усложнение в результате развития социальной жизни, а также нарушение рассмотренных выше принципов (равенства условий конкуренции, действия законов, защищающих частную собственность, доверия к государству и друг к другу, роста предпринимательской инициативы, условий, способствующих созданию исходного капитала и пр.).

Именно рассмотренный здесь общий сценарий и был реализован в экономической науке. Экономическая теория А. Смита была получена из сочетания наблюдений за социальной реальностью того времени в Англии и идеалов самого А. Смита. О последнем свидетельствуют его высказывания. А. Смит, пишет В. Колпаков, прекрасно осознает, что не труд сам по себе порождает блага и ценности, но только качественный, непрерывно совершенствующийся труд, обеспеченный справедливой легальной системой правосудия, формирующей «стандарты качества» жизни работающих людей всех сословий и классов. «Чего стоит только одно из его замечаний по этому поводу: “Ни одно общество, без сомнения, не может процветать и быть счастливым, если значительная часть его членов бедна и несчастна. Да, кроме того, простая справедливость требует, чтобы люди, которые кормят, одевают и строят жилища для всего народа, получали такую долю продуктов своего собственного труда, чтобы сами могли иметь сносную пищу, одежду и жилье”. Эта обеспокоенность Смита системой ценностей, которые должны быть установлены и обеспечены государством, практически была забыта последующими экономистами» [В. Федотова, Колпаков, Н. Федотова, 2008, с. 162–163].

Но уже у Д. Риккардо, судя по всему, были другие идеалы. Позднее, отмечает Колпаков, теория А. Смита «была заменена абстрактной неконтекстуальной теорией Риккардо. Теория стала универсальной, пригодной для всех народов и на все времена. Она уже не отвечала на вызовы времени и не имела такого критического потенциала в отношении капитализма, как теория Смита» [Там же, с. 167].

Тем не менее обе экономические теории оказывали примерно одинаковое социальное воздействие, которое наряду с рядом других факторов и породило экономическую реальность капитализма. Как известно, идеалы К. Маркса были прямо противоположны капиталистическим. К. Маркс, как и Платон, порицает огромное богатство одних и сопутствующее ему обнищание других.

Источником и того, и другого он, вслед за социалистами, считал капитализм, частную собственность и кражу части чужого труда, формально принадлежащего капиталисту, но по праву справедливости – только рабочему. Комментарий социалистический памфлет 1821 г., К. Маркс делает следующее замечание: «Прибавочную стоимость или “прибыль”, как называет ее Рикардо (часто также – прибавочный продукт, *surplus produce*), или *interest*, как называет его автор памфлета, последний прямо определяет как *surplus labour*, прибавочный труд, **труд, исполняемый рабочим даром** (выделено мной. – В.Р.), исполняемый сверх того количества труда, которым возмещается стоимость его рабочей сил <...> Постоянное стремление того, что мы называем обществом, состояло в том, чтобы при помощи обмана или убеждения, страха или принуждения заставить производительного работника исполнять труд за возможно меньшую долю продукта его собственного труда... **Почему же рабочий не должен получать абсолютно весь продукт своего труда?** (выделено мной. – В.Р.) <...> Так как эти материалы находятся в обладании других лиц, интересы которых противоположны интересам рабочего и согласие которых является предпосылкой его деятельности – то не зависит ли и не должно ли зависеть от милости этих капиталистов, какую долю плодов его собственного труда они пожелают дать ему в вознаграждение за этот труд... по отношению к величине удержанного продукта, называется ли это налогами, прибылью или **кражей**» (выделено мной. – В.Р.) [Маркс, 1935, с. XII–XVI].

Эти представления обуславливают не только интерпретацию К. Марксом наблюдений за социальными процессами, но и формулирование им основных социальных и экономических закономерностей. Если западные страны не пошли за К. Марксом, то Россия (точнее, часть социал-демократов) пошла и построила общество, которое в экономическом отношении во многом отвечало марксовской теории, а в политическом и социальном – нет. Но уже во второй половине XX столетия и в экономическом отношении российская социальность не соответствовала теории К. Маркса (в частности, экономика была направлена не на развитие социалистического общества и человека, а на войну и победу социализма во всем мире). Однако не стоит заблуждаться, думая, что расхождение со временем социальной теории и реальности касается только социализма. То же имеет место и для капиталистических стран.

Вернемся теперь к вопросу, поставленному в начале статьи: что собой представляла экономика Древнего мира? Один ответ мы дали в статье «Культурно-исторические, психологические, концептуальные предпосылки и условия экономики» [Розин, 2016]. Другой такой: это еще не экономика, а так сказать «праэкономика», поскольку еще не сложилась специфическая рефлексия экономической реальности. Такая рефлексия возникает только в XVIII столетии. Три цены, которые платили в Древней Месопотамии, – это собственно не цены рыночных отношений, а *дары*, во многом зависящие от взаимоотношений между общинами, которые обмениваются продуктами своей деятельности. Собственно, это были даже не продукты, а живые представители этих общин, ведь каждая изготовленная вещь, по убеждению людей той культуры, имела душу, принадлежащую общине. Первый дар означал решение отпустить душу вещи (изделия) из общины, второй – принять ее в новую общину, третий – заместить одну душу на другую (т. е. признание эквивалентности) [Там же, с. 26].

Трудно согласиться и с пониманием экономики Ф. Броделем. Он тоже не учитывает роль специфической рефлексии экономической реальности, без которой, например, о предпринимательской деятельности или методе двойной бухгалтерской записи говорить невозможно.

Итак, мы постарались показать, что экономика, действительно, сложилась не раньше XVIII столетия, что понять ее сущность можно, лишь анализируя формирование государства и капитализма, что экономика двухслойна и представляет собой производство и рыночные обмены, представленные в экономических теориях и концепциях, которые позволяют вести расчеты и проектировать.

Список литературы

Бродель, 2006 – *Бродель Ф.* Материальная цивилизация и капитализм. Т. 2. Игры обмена / Пер. с фр. Л.Е. Куббея. М.: Весь Мир, 2006. 672 с.

Клочков, 1983 – *Клочков И.* Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. М.: Наука, 1983. 205 с.

Кревельд, 2006 – *Кревельд М.* Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006. 544 с.

Маркс, 1935 – *Маркс К.* Капитал. Т. 2. Издание восьмое. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. 643 с.

Неретина, 2012 – *Неретина С.* Воскресение политической философии и политического действия. Парижское восстание 1356–1358 гг. М.: Голос, 2012. 388 с.

Поланьи, 2002 – *Поланьи К.* Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002. 320 с.

Полтерович, 1997 – *Полтерович В.М.* Кризис экономической теории: доклад на научном семинаре Отделения экономики и ЦЭМИ РАН «Неизвестная экономика». Январь 1997. URL: www.r-reforms.ru/vmp2.htm (дата обращения: 09.08.2016).

Розин, 2018 – *Розин В.М.* История и философия науки. 2-е изд. М.: Юрайт, 2018. 414 с.

Розин, 2016 – *Розин В.М.* Культурно-исторические, психологические, концептуальные предпосылки и условия экономики // Идеи и идеалы. 2016. Т. 1. № 3 (29). С. 24–39.

Смит, 2016 – *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2016. 1056 с.

В. Федотова, Колпаков, Н. Федотова, 2008 – *Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н.* Глобальный капитализм: три великие трансформации. М.: Культурная революция, 2008. 608 с.

Что такое, 2018 – Что такое дебет и кредит в бухгалтерии простыми словами. URL: <https://filedl.info/debet-kredit-korrespondentsiya-schetov-opredeleniya/> (дата обращения: 08.03.2020).

Элиас, 2003 – *Элиас Н.* О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. СПб.: Университетская книга, 2003. Т. 1. 332 с.; Т. 2. 382 с.

The formation of the economy in Europe of the XVIII century as a perceived scientific reality and discipline

Vadim M. Rozin

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: rozinvm@gmail.com

The article raises the question of the essence and nature of the economy, in connection with which different views on this topic by F. Braudel, V. Fedotova, V. Kolpakov, N. Fedotova,

and V. Polterovich are examined. The author precedes the genesis of the formation of the economy with his hypothesis about its essence, as well as the nature of entrepreneurship. In particular, the author claims that in the XVIII–XIX centuries such concepts were created (A. Smith, D. Riccardo, K. Marx, etc.) and such methods that made it possible to design the work and success of future enterprises, as well as to calculate and evaluate the profitability of working enterprises. The genesis of the formation of the economy includes three main stages in the article: the transfer of power from kings to officials and the formation of the state, the formation of a social environment in which everyone paid taxes and laws, the creation of concepts, schemes and calculations that allow you to regulate and design market relations, as well as creation and operation of enterprises. The features of the first economic theories are discussed (A. Smith, D. Riccardo, K. Marx). The author does not agree with the point of view of V. Kolpakov, according to which the economy belongs to the natural sciences, he claims that the economy is a social science. Accordingly, it shows what this means: a person's contribution to social nature, the presence of the cycle "social project – implementation – social reality", and the role of social sciences in this cycle. At the end of the article, an explanation is given of why it is not entirely correct to talk about the economy of the Ancient World (here, according to the author, a specific, economic reflection of economic and commercial activity has not yet taken shape).

Keywords: economics, science, sociality, theory, concept, reality, project, market, taxes, state

References

Braudel, F. *Material'naya tsivilizatsiya i kapitalizm. T. 2. Iгры obmena* [Material civilization and capitalism. Vol. 2. Games of exchange], trans. by L. E. Kubbel. Moscow: "All World" Publ., 2006. 672 pp. (In Russian)

Chto takoe debet i kredit v bukhgalterii prostymi slovami [What is debit and credit in accounting in simple words]. [<https://fileddl.info/debet-kredit-korrespondentsiya-schetov-opredeleniya/>, accessed on 08.03.2020]. (In Russian)

Crevelde, M. *Rastsvet i upadok gosudarstva* [The rise and decline of the state]. Moscow: IRIS Publ., 2006. 544 pp. (In Russian)

Elias, N. *O processe civilizatsii. Sociogeneticheskie i psihogeneticheskie issledovaniya* [The civilizing process: sociogenetic and psychogenetic investigations]. Saint-Petersburg: University Book Publ., 2003. Vol. 1. 332 pp.; vol. 2. 382 pp. (In Russian)

Fedotova, V. G., Kolpakov, V. A., Fedotova, N. N. *Global'nyi kapitalizm: tri velikie transformatsii* [Global capitalism: three great transformations]. Moscow: Cultural Revolution Publ., 2008. 608 pp. (In Russian)

Klochkov, I. *Dukhovnaya kul'tura Vavilonii: chelovek, sud'ba, vremya* [The spiritual culture of Babylonia: man, fate, time]. Moscow: Nauka Publ., 1983. 205 pp. (In Russian)

Marx, K. *Kapital. T. 2. Izdanie vos'moe* [Capital. Vol. 2]. Moscow: Partizdat, 1935. 643 pp. (In Russian)

Neretina, S. *Voskresenie politicheskoi filosofii i politicheskogo deistviya. Parizhskoe vosstanie 1356–1358 gg* [Resurrection of political philosophy and political action. Paris Uprising 1356–1358]. Moscow: Voice Publ., 2012. 388 pp. (In Russian)

Polanyi, K. *Velikaya transformatsiya. Politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni* [The Great Transformation. The political and economic origins of our time]. Saint-Petersburg: Aletejya Publ., 2002. 320 pp. (In Russian)

Polterovich, V. M. *Krizis ekonomicheskoi teorii: doklad na nauchnom seminare Otdeleniya ekonomiki i CEMI RAN "Neizvestnaya ekonomika"* [The crisis of economic theory: report at the

scientific seminar of the Department of Economics and CEMI RAS “Unknown Economy”. January 1997. [www.r-reforms.ru/vmp2.htm, accessed on 09.08.2016]. (In Russian)

Rozin, V. M. *Istoriya i filosofiya nauki* [History and philosophy of science]. Moscow: Yurayt Publ., 2018. 414 pp. (In Russian)

Rozin, V. M. “Kul’turno-istoricheskie, psikhologicheskie, kontseptual’nye predposylki i usloviya ekonomiki” [Cultural-historical, psychological, conceptual premises and conditions of the economy], *Idei i idealy* [Ideas and ideals], 2016, vol. 1, no. 3 (29), pp. 24–39. (In Russian)

Smith A. *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations]. Moscow: Eksmo Publ., 2016. 1056 pp. (In Russian)